

Это почти перевернуло его представление о мире... Нет, не так. Когда они встретились впервые, Гу Цзинмо собирался лишить его жизни одним ударом меча.

На душе у Инь Лянцзяня было странно и беспокойно.

Возможно, он всё это время ошибался в Гу Цзинмо, принимая спящего тигра за овцу.

Запах крови, ударивший в нос, заставил Инь Лянцзяня задержать дыхание. Пользуясь тем, что Гу Цзинмо был занят схваткой, он в суматохе выбежал из двора и бросился к иве, где, по словам Гу Цзинмо, были привязаны лошади.

Гу Цзинмо подоспел следом, бросил на него взгляд и скомандовал:

— Вниз с горы!

Небо уже начало светлеть. Сквозь предрассветные сумерки пробивались первые лучи, освещая красивые, мягкие черты лица Гу Цзинмо. Стояла зима, и при каждом выдохе у него изо рта вырывались облачка пара, но в глубоких, как обсидиан, глазах всё ещё теплилась жажда убийства.

Инь Лянцзянь взглянул на обгоревшие, почерневшие стены крепости, помедлил меньше секунды, а затем решительно развернул коня и помчался по дороге, ведущей прочь из лагеря.

Каждая секунда была на счету.

Гу Цзинмо держался в полуметре позади, прикрывая его.

Золотисто-алые облака на востоке предвещали рассвет, и ворота крепости уже начали проступать сквозь утреннюю дымку. Свобода была так близко.

И в этот миг воздух разорвал резкий, пронзительный свист!

Инь Лянцзянь обернулся и первым делом увидел нахмуренные темные брови Гу Цзинмо. Тот прижимал руку к правому плечу, из которого торчал дрожащий наконечник стрелы. Из-за черной одежды крови было почти не видно, но Лянцзяню почудился металлический привкус ржавчины.

Менее чем в сотне шагов от них, гордо вскинув голову, стоял на вороном коне Чжэн Даонянь. Он держал в руках изогнутый лук, вынимая из колчана за спиной новую стрелу.

Превозмогая боль в плече, Гу Цзинмо крикнул опешившему Лянцзяню:

— Уезжай!

— Нам не уйти, — Лянцзянь натянул поводья, разворачивая лошадь лицом к Чжэн Даоняню.

В глазах Гу Цзинмо промелькнуло разочарование:

— Почему...

Ведь они были почти у цели.

— Стрелять меня учил он. Попадание в плечо — это лишь предупреждение, — тихо сказал Инь

Лянцзянь. — Если мы поедem дальше, следующая стрела пронзит твоe сердце.

Чжэн Даоняннь славился меткостью, способной поразить цель со ста шагов, и Лянцзянь не хотел проверять это ценой их жизней.

Гу Цзинмо почувствовал, как кровь из раны потекла по рукаву, и вскоре алые капли окрасили его пальцы, похожие на белый нефрит, а затем упали на гриву коня.

Как больно.

Чжэн Даоняннь натянул тетиву до предела, целясь прямо в Гу Цзинмо.

Инь Лянцзянь стиснул зубы, направил коня вперед, заслоня собой Гу Цзинмо, и вызывающе раскинул руки:

— Если тронешь его, сначала убей меня!

Чжэн Даоняннь замер в позе стрелка, не опуская лук, но и не выпуская стрелу. Он лишь холодно смотрел на Лянцзяня, и взгляд его был подобен ледяной глади озера.

Они простояли так в напряжении около десяти секунд.

— Уезжай, — тихо вздохнул Инь Лянцзянь, обращаясь к Гу Цзинмо. — Я останусь, и он не причинит тебе вреда.

Это был негласный компромисс, к которому они пришли за те несколько секунд, что смотрели друг на друга.

Гу Цзинмо опешил и машинально возразил:

— Нет, ты поедешь со мной...

Он обещал забрать Лянцзяня из этого болота. Он не хотел, чтобы тот попал в руки Чжэн Даоняння.

Инь Лянцзянь покачал головой. На мгновение его лицо стало серьезным, но тут же приняло привычное беспечное выражение:

— Жена, я не хочу видеть, как ты умираешь у меня на глазах.

— Его меткость может оказаться не такой уж безупречной, — в гневе и тревоге проговорил Гу Цзинмо. — Инь Лянцзянь, если ты останешься, что он с тобой сделает?

Все знали о чувствах Чжэн Даоняння к Лянцзяню, и остаться означало добровольно войти в пасть тигра!

Услышав это, Инь Лянцзянь вдруг сказал:

— Жена, это первый раз, когда ты назвал меня по имени и фамилии.

Гу Цзинмо замер.

Лянцзянь подался вперед и коснулся его губ легким, почти невесомым поцелуем.

Гу Цзинмо потрясенно расширил глаза.

Затем Лянцзянь изо всех сил хлестнул кнутом по коню Гу Цзинмо. Испуганное животное рвануло с места, унося своего седока прочь.

— Инь Лянцзянь! — Гу Цзинмо был охвачен ужасом, гневом и отчаянием, но сделать уже ничего не мог.

Инь Лянцзянь опустил глаза.

— Раз уж назвался женой, я должен тебя защитить.

В спальне.

Чжэн Даонянь загнал Лянцзяня в угол. Его белое, как лунный свет, одеяние было испачкано кровью, словно увядшие цветы сливы, вышитые на шелке.

— А-Цзянь, я и не знал, что ты такой влюбчивый. Твой дружок хорош в постели или чем-то еще тебя зацепил, что ты никак не можешь его забыть? — Чжэн Даонянь приподнял подбородок Лянцзяня. Уголки его губ приподнялись, но выражение лица оставалось ледяным.

Лянцзянь тихо усмехнулся и мысленно закатил глаза.

Если Гу Цзинмо погибнет от рук Чжэн Даоняня, его задание по захвату будет провалено. Хотя он не знал, какое наказание последует за провал, как добросовестный перфекционист, Лянцзянь не хотел портить свою безупречную репутацию.

Видя, что тот молчит, Чжэн Даонянь наконец вышел из себя и холодно усмехнулся:

— Хорошо, решил идти против меня? Посмотрим, насколько крепок твой хребет! Эй, прикуйте его.

Он взял у подчиненного железную цепь с ошейником на конце.

Лянцзянь равнодушно скользнул взглядом по этой собачьей принадлежности. Понимая, что не избежать худшего, он лениво прислонился к стене и даже сам подставил шею, облегчая Чжэн Даоняню задачу.

В глазах Чжэн Даоняня вспыхнуло темное пламя, и он прорычал:

— Шлюха.

Лянцзянь пропустил это мимо ушей.

Чжэн Даонянь привязал другой конец цепи к ножке кровати:

— Моя собака была убита, так что придется молодому господину побыть ею несколько дней.

Цепь была короткой, и когда Чжэн Даонянь прикрепил её к изголовью, Лянцзянь был вынужден переместиться следом.

Чжэн Даонянь обернулся. Лянцзянь сидел с невозмутимым видом, будто унижали не его. Белые одежды, черные волосы, красивые брови и глаза, алые, слегка припухшие губы — во

всем его облике сквозила насмешка, напоминающая красивого, ленивого кота.

Гнев Чжэн Даоняня вспыхнул с новой силой, ему хотелось немедленно взять свое. Но, подобно демонам, поймавшим Танского монаха, он не хотел проглатывать добычу сразу, предпочитая растянуть удовольствие. К тому же, после смены власти в лагере дел было невпроворот.

С неким сожалением он приблизился к Лянцзяню, словно извращенец, вдыхая аромат его кожи, и хрипло произнес:

— Жди меня здесь послушно, братец скоро вернется, и мы разделим ложе.

Лянцзянь равнодушно проводил его взглядом. Как только шаги стихли, он облегченно выдохнул и повалился на кровать, но, вспомнив, чья она, тут же вскочил с брезгливым видом.

Цепь была слишком короткой, чтобы дотянуться до стола или стула, поэтому он просто сел на пол, прислонившись спиной к кровати, и закрыл глаза.

Он был смертельно устал.

Наступил день. Несмотря на ужасы минувшей ночи, петухи пропели по расписанию. Золотой солнечный свет лег на лицо Лянцзяня, словно покрыв нефрит тонким слоем меда.

— Хозяин, не падай духом! Отношение Цели захвата уже достигло 60, — подбодрила Система.

Лянцзянь вспомнил ту дорогу с горы, окутанную туманом, и то, как Гу Цзинмо, не сумев удержать обезумевшего коня, оглянулся на него. Ему показалось, что в этом последнем взгляде было столько тоски и тяжести... хотя, возможно, он просто выдавал желаемое за действительное.

— Какой толк от этих 60, если я стал игрушкой Чжэн Даоняня! — с тоской подумал Лянцзянь.

— К тому же, он уже покинул лагерь, только дурак вернулся бы обратно.

В полдень, когда Чжэн Даонянь закончил приводить в порядок разрушенные строения, он вспомнил, что Лянцзянь всё еще сидит в комнате голодный, и хотел было приказать кухарке принести ему объедков, чтобы сбить спесь.

Вдруг в комнату вбежал перепуганный приспешник, указывая пальцем на улицу:

— Беда!

— Беда! Чиновники! Чиновники пошли в наступление! — задыхаясь, кричал приспешник. — Наши ребята впереди уже не могут сдерживать натиск!

Раздался хруст — Чжэн Даонянь сломал в руке деревянные палочки для еды.

Почему именно сейчас? Вчерашний бунт в лагере привел к огромным потерям, все были измотаны, а тут правительственные войска нагрянули как по расписанию! К тому же, Чжэн Даонянь всегда тайно сотрудничал с местными властями и не думал, что беда придет с этой стороны.

Кровь ударила ему в голову. Он мрачно поднялся и рявкнул:

— Ты хорошо разглядел? Это действительно правительственные войска?

— Видел собственными глазами, ошибки быть не может!

Вскоре Чжэн Даоняню больше не нужны были подтверждения. Издалека он увидел развевающиеся знамена властей. Со всех сторон доносились звуки битвы, звон сталкивающегося оружия распугивал птиц, и воздух пропитался запахом крови.

Это были не местные ополченцы, дрожащие при виде бандитов, а отборные воины, присланные губернатором из соседних уездов. Ворвавшись в логово разбойников, они были подобны волкам, попавшим в стадо овец, безжалостно уничтожая любого, кто пытался сопротивляться.

Чжэн Даонянь тоже обучал своих людей, но против вышколенной армии они были бессильны.

С древних времен у разбойников было два пути: быть уничтоженными или сдаться властям.

Чжэн Даонянь выбрал третий путь — бегство.

— Господин, главарь бандитов схвачен! — солдат подбежал к губернатору, с восторгом указывая на связанных главарей лагеря, которых подталкивали вперед.

Губернатор Чжоу Нин улыбнулся, погладил свою козлиную бородку и повернулся к стоящему рядом юноше в черном.

— Вэньюн, в этот раз всё благодаря тебе! Мы смогли опередить их и одержать победу. За такие заслуги я обязательно упомяну тебя в докладе Его Величеству. Молодое поколение внушает трепет!

Вэньюн — это второе имя Гу Цзинмо.

Гу Цзинмо слегка поклонился:

— Это мой долг.

Он не интересовался славой и наградами. Его взгляд был прикован к бандитским главарям, связанным веревкой, словно гирлянда саранчи. Он осматривал каждого, и его брови всё сильнее сдвигались к переносице.

— Что случилось, господин Вэньюн? — с недоумением спросил Чжоу Нин.

— Кого-то не хватает, — мрачно ответил Гу Цзинмо.

Он не видел ни Чжэн Даоняня, ни Лянцзяня, и сердце его охватило нехорошее предчувствие.

— Продолжить обыск, — приказал он, сжав зубы. — Не упустите ни одной рыбешки.

Лянцзянь, умирая от голода, в полудреме прислонился к ножке кровати. Ему снилось, что перед ним стоит тарелка тушеной свинины, и он, облизываясь, уже готов был накинуться на еду.

Внезапно раздался оглушительный грохот, заставивший его проснуться.

— Землетрясение? — ошарашенно пробормотал он.

Дверь ходила ходуном, скрипя, словно протестуя против грубого вторжения. В комнату ворвалась толпа: люди в одежде ученых мужей и солдаты с мечами. Они заполнили всё пространство.

Шум стих, десятки глаз, словно лучи прожекторов, уставились на Лянцзяня, местами раздались удивленные вздохи.

Они не ожидали найти в комнате второго главаря юношу, да еще и с ошейником на шее, от которого к ножке кровати тянулась толстая цепь.

Некоторые не понимали, что происходит, но взгляды других были полны странного интереса.

А второй главарь-то был затейником...

Почувствовав на себе бесцеремонные взгляды, Гу Цзинмо, стоявший в толпе, помрачнел. Ему стало крайне неприятно.

Он широким шагом подошел к Лянцзяню. Меч не мог перерубить цепь, но легко срубил ножку кровати.

Цепь с лязгом упала, и Гу Цзинмо схватил её.

Он холодно обвел взглядом присутствующих и спокойным, но не терпящим возражений тоном произнес:

— Прошу всех выйти.

Он не хотел, чтобы Лянцзяня оскверняли своими грязными мыслями.

Когда Гу Цзинмо приказал, люди потекли из комнаты, словно отлив. Внутри остались только они двое.

Гу Цзинмо нахмурился, глядя на Лянцзяня. Цепь в его руке была влажной от пота. Лянцзянь был сонный, он лишь слегка пошевелился и снова прикрыл глаза.

В голосе Гу Цзинмо послышалась дрожь:

— Ты в порядке?

Он даже не смел спрашивать, что Чжэн Даонянь делал с Лянцзянем. Прошло всего три часа с тех пор, как он спустился с горы и встретился с губернатором, но он не знал, не обидел ли его Чжэн Даонянь за это время.

— Я голоден. До сих пор ничего не ел, — ответил Лянцзянь. Хотя появление Гу Цзинмо казалось чудом, он не был сильно удивлен.

Раз они в безопасности, остальное неважно — вот такой он был пофигист.

Он наклонил голову и потерся о плечо Гу Цзинмо, словно ластящийся кот.

Цепь тихо звякнула. Сердце Гу Цзинмо успокоилось. Невозмутимость Лянцзяня он принял за шок и еще сильнее проникся жалостью.

Подумав немного, Гу Цзинмо поднял его на руки:

— Тогда сначала пойдем поедим.

Чжоу Нин и его люди были в шоке.

Гу Цзинмо, выглядевший утонченным ученым, соблюдающим все правила приличия, теперь на глазах у всех нес юношу на руках. Сначала он приказал приготовить еду, а потом отправился к кузнецу, чтобы перерубить цепь.

Во время еды Гу Цзинмо перекладывал всё мясо из своей тарелки в тарелку Лянцзяня. Сам был ранен, а заботился о другом.

Хотя рана была неглубокой, но...

Нечего и сомневаться, это точно любовник!

В их глазах Гу Цзинмо стал легендой. Попал в лапы разбойников и завел роман с любовником главаря — такое приключение прямо как у книжников из рассказов Ляо Чжая!

Гу Цзинмо сказал Чжоу Нину, что Лянцзянь — простой человек и не имеет отношения к разбойникам.

Чжоу Нин, прекрасно понимая их связь, с усмешкой ответил:

— Понимаю, понимаю! Ты ведь собираешься забрать его с собой в столицу, верно?

Гу Цзинмо не стал отрицать.

Лянцзянь спустился с горы вместе с Гу Цзинмо. Поскольку лагерь был захвачен властями, всё его «приданое» конфисковали, что его очень расстроило.

Но Гу Цзинмо вручил ему клетку с голубями, и Лянцзянь не знал, смеяться или плакать, глядя на это единственное оставшееся приданое.

Он понял, как именно правительство решило атаковать лагерь, и что Гу Цзинмо сыграл в этом важную роль, но не злился.

Он не испытывал привязанности к лагерю. Стоит ли жалеть разбойников? Их руки были по локоть в крови невинных, они грабили путников и издевались над женщинами — они заслужили смерть.

Он лишь вспомнил Инь Лимина. Инь Лимина, от которого не осталось даже костей — его тело превратилось в пепел в огне, а голову Чжэн Даонянь выбросил неизвестно куда.

Перед уходом Лянцзянь пришел в пустынное место и установил кенотаф.

Гу Цзинмо стоял позади, молча наблюдая, как он с почтением трижды поклонился могильному камню и вылил чашу вина.

— Прими мои соболезнования, — наконец сказал Гу Цзинмо.

— Ничего. Власти рано или поздно уничтожили бы лагерь. Если бы приемный отец не погиб от рук Чжэн Даоняня, он бы погиб от рук солдат, — почти безразлично произнес Лянцзянь. — С

того момента, как он позволил Чжэн Даоняню расширить лагерь для противостояния властям, пути назад не было.

Он бросил взгляд на Гу Цзинмо и улыбнулся:

— Муж, можно ли сказать, что я избежал тюрьмы благодаря тебе?

Гу Цзинмо не ответил.

В этой битве, где правительственные войска одержали полную победу, лагерь потерял право на помилование. Сотни разбойников отправились в тюрьму: кого-то казнили, кого-то сослали. Император был непреклонен в искоренении бандитизма, поэтому не пощадил никого, включая мелких сошек, которые еще не успели совершить серьезных преступлений.

Лянцзянь, как приемный сын бывшего главара, брат сбежавшего главара и молодой господин с высоким положением в лагере, по закону должен был быть казнен.

Если бы не покровительство Гу Цзинмо.

Лянцзянь тихо вздохнул:

— Я ведь совершил грех, заставив верного императору чиновника совершить преступление обмана... Цзинмо, ты не жалеешь, что связался со мной?

Гу Цзинмо снова промолчал.

Лишь спустя долгое время он покачал головой.

Гу Цзинмо сидел за столом и писал письмо, а Лянцзянь сидел на табурете позади и грыз яблоко.

«Отец, мать, надеюсь, вы здоровы. Сын благополучно выбрался из логова бандитов и сейчас приближается к столице...»

— Хрум-хрум-хрум... — Лянцзянь жевал и читал любовный роман.

«В лагере я встретил близкого человека и решил заключить с ним брак. Хотя моя жена — мужчина, он кроток и послушен...»

— Хрум-хрум... Что за бред? — Лянцзянь отбросил книгу и взял другую.

Гу Цзинмо, глядя на дифирамбы в адрес Лянцзяня, невольно потер виски. Неужели это действительно написал он?

В нынешнем мире браки между мужчинами хоть и редки, но не являются чем-то немислимым. Император-основатель сам питал слабость к мужчинам и имел наложников-мужчин, поэтому нравы были соответствующими.

Однако его родители были консерваторами. Даже если они примут его брак с женщиной, то, увидев неугомонный характер Лянцзяня, который ничуть не походил на «кротость», они наверняка схватятся за голову.

Но делать нечего, письмо нужно было дописать.

— Хрум-хрум-хрум... — звук грызущего яблоко Лянцзяня не утихал.

Лянцзянь, увлеченный новой книгой, цокал языком от невероятного сюжета, как вдруг услышал, что Гу Цзинмо закашлялся.

— Лянцзянь, подойди.

— Ой, — Лянцзянь подошел, сжимая в руке половинку яблока. — Что такое? Нужно растереть тушь?

— Почему ты ешь так шумно? — Гу Цзинмо взглянул на него. Губы Лянцзяня были влажными, яркими, как красное пятно на рисовой бумаге, а в уголке рта прилип кусочек яблока.

Его взгляд постепенно потемнел.

— Извини, зачитался, — Лянцзянь невозмутимо спрятал непристойную книжку за спину и заглянул в письмо Гу Цзинмо. — Я настолько хорош в твоих глазах? — с удивлением спросил он.

Гу Цзинмо беспомощно ответил:

— ...Я, естественно, должен был приукрасить тебя перед родителями. — Иначе как бы они тебя приняли?

Лянцзянь сощурился и улыбнулся:

— Тогда большое спасибо, муж.

Гу Цзинмо пристально посмотрел на него, так что Лянцзяню стало не по себе — его взгляд показался ему очень странным.

Наконец Гу Цзинмо спросил:

— Яблоко вкусное?

Лянцзянь опешил. Он что, тоже хочет яблоко? И протянул ему свою половинку:

— Хрустящее и сладкое.

Гу Цзинмо не взял, а лишь посмотрел на его лицо и сказал нечто совершенно неожиданное:

— У меня плечо болит.

Он получил стрелу от Чжэн Даоняня, и хотя рану обработали вовремя, она была на правом плече, что очень мешало. Писать было тяжело.

Лянцзянь понял:

— Я нанесу тебе еще лекарства. — Он распахнул ворот широкого халата Гу Цзинмо, обнажая его плечо.